

УДК 330.101

**Шедяков В.Е.***доктор социологических наук,  
кандидат экономических наук, профессор  
Государственного университета телекоммуникаций*

## СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Статья посвящена анализу социокультурных оснований устойчивого экономического развития. В статье конкретизируются два мощных приоритета социально-экономического развития и определяющие показатели общественного прогресса. Во-первых, жизнь человека, ее качество и длительность. Во-вторых, это касается развития достижений цивилизации, культурного наследия. В частности, например, первое направление фиксируется длительностью и качеством жизни, корзинами социально-экономических, политических и духовно-идеологических прав человека, его уверенностью в завтрашнем дне, возможностями самореализации, качественными и количественными показателями динамики миграционных процессов и т.п. В этой связи и содержание понятий «развития» и «прогресса» нуждается в обновлении: помимо стабильного и сбалансированного роста, оно должно ориентироваться на такие этические ценности, как солидарность, терпимость, свобода выбора и слова. С этих позиций подготовлены предложения оптимизации стратегии государства в вопросах проведения реформ и интеграционных трансформаций.

**Ключевые слова:** экономическое развитие, регулятивные возможности, приоритеты.

### **Шедяков В.Е. СОЦІОКУЛЬТУРНІ ПІДСТАВИ СТАЛОГО ЕКОНОМІЧНОГО РОЗВИТКУ**

Стаття присвячена аналізу соціокультурних підстав сталого економічного розвитку. У статті конкретизуються два потужних пріоритету соціально-економічного розвитку та визначають показники суспільного прогресу. По-перше, життя людини, її якість і тривалість. По-друге, це стосується розвитку досягнень цивілізації, культурної спадщини. Зокрема, наприклад, перший напрямок фіксується, тривалістю і якістю життя, кошиками соціально-економічних, політичних і духовно-ідеологічних прав людини, її впевненістю у завтрашньому дні, можливостями самореалізації, якісними і кількісними показниками динаміки міграційних процесів тощо. У цьому зв'язку і зміст понять «розвиток», «прогрес» потребує оновлення: крім стабільного і збалансованого зростання він повинний орієнтуватися на такі етичні цінності, як солідарність, терпимість, свобода вибору і слова. З цих позицій підготовлені пропозиції оптимізації стратегії держави в питаннях проведення реформ та інтеграційних трансформацій.

**Ключові слова:** економічний розвиток, регулятивні можливості, пріоритети.

### **Shedyakov V.E. SOCIAL AND CULTURAL FOUNDATIONS OF SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT**

The article analyzes the socio-cultural foundations of sustainable economic development. The article concretized two powerful priority socio-economic development and defining indicators of social progress. Firstly, it is a person's life, its quality and durability. Secondly, it concerns the development of achievement of civilization and cultural heritage. In particular, for example, the first direction is fixed by the duration and quality of life, basket of socio-economic, political, spiritual and ideological human rights, his confidence in the future, opportunities for self-realization, qualitative and quantitative indicators of the dynamics of migration processes, and so on. In this regard, and the concepts of «evolution» and «progress» needs updating: in addition to stable and balance of growth it should to take one's bearings on ethical values such as solidarity, tolerance, freedom of speech and selectable. From these positions, proposals to optimize strategy of the state in matters of reform and integration transformations are prepared.

**Keywords:** economic development, regulatory capacities, priorities.

**Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важнейшими научными и практическими задачами.** Достижение состояния и перспективы экономического роста не безразличны к применяемым средствам. В первую очередь, его стабильность и устойчивость требует обеспечения социального взаимодействия на продуктивной основе. Баланс интересов, их конечное подчинение вектору общественной безопасности и развития выступает неперенным условием прочной хозяйственной системы, взаимовыгодной кооперации экономических контрагентов.

**Анализ публикаций.** Осмысление окружающего мира и воздействия на него предполагало взаимодействие стоимостно-праксеологического и ценностно-аксиологического подходов. Длительное время осуществление традиционных практик предполагало воспроизводство рутинных техник развития. Лишь с развитием общественной практики (в том числе – интеллектуальной) модерном наука создает предпосылки для рационального освоения действительности. Однако, вплоть до Нового времени, наполнение духовностью связывается, по преимуществу, с религиозными практиками. Впрочем, соотношение разума и веры, науки и культуры, возможности целенаправленного влияния на течение исторического процесса, закономерности социального времени, роль объективного и субъективного, рационального и

иррационального факторов общественного развития, по-разному раскрывалось сторонниками разных подходов, например, энциклопедистами, сторонниками шотландской школы и классической немецкой философии. И. Кант, рассматривая нравственность как детерминанту человеческой деятельности, предельно четко выявил качественное различие культуры интеллектуальной и духовной. В свою очередь, для Г.В.Ф. Гегеля все проявления духа – это лишь виды знания. Позднейшие исследования Л. фон Мизеса, А.Ф. фон Хайека, М. Вебера и К. Пошпера дополнительно привлекли внимание к роли нравственности и традиций в обеспечении стабильности экономического развития и преодолении встречающихся рисков. В частности, в наше время в изучении факторов и процесса общественного (в частности, экономического) развития весьма преуспели, в частности, такие исследователи, как В.П. Андрущенко, В.П. Бех, В.А. Вазюлин, В.В. Василькова, И.Н. Барыгин, Л.Г. Бурмистрова, В.М. Быченков, А.Г. Зарубин, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон, А.И. Кравченко, П.В. Романов, С.Н. Труфанов, И.В. Черникова, В.Ю. Черных, В.П. Фофанов, И.П. Яковлев, Е.Р. Ярская-Смирнова и др.

**Формулировка исследовательских задач.** История выработала некоторые не всегда очевидные закономерности течения процессов, в которые мы вступа-

ем. Их учет необходим для успешного использования ресурсной базы, для организации воздействия с целью как стабилизации и развития устраивающих тенденций, так и трансформации (локализации, ликвидации, переключения) нежелательных трендов. Причем в существенной степени, по общему правилу, знание их может с лихвой компенсировать отсутствие полноты информации. Вместе с тем, мы живем в период кардинальных трансформаций общества, всей ойкумены, их перехода в иное качество – что дарует шанс осознать некоторые закономерности мира, уточнить представление о своем месте в нем. По известному мнению, «только в так называемых переходных эпохах можно опытному уху подслушать таинственный рост истории» [1, с. 315]. В этой ситуации безответственности и некомпетентности тем более свойственно прятаться за бессмысленными правилами, устаревшими ритуалами, ошибочными указаниями, бюрократическими играми. Однако, и полное игнорирование процедур – путь к разгулу произвола и насилия. При этом направленность динамики общественного развития от однонаправленности основных причинно-следственных связей типа «дерево» к логике «куста» и характеристикам «ризомы» заново возвращает нас к вопросу о качестве экономического роста как одним из решающих факторов стратегической конкуренции. Конвейерность общественных инноваций, сетевая тотальность их порождения становятся важнейшей характеристикой процессов инволюции и коэволюции.

Многослойность и контрастность бытия по-разному складываются в пути социально-экономического развития, за которыми проступают очертания процессов, зияющих на сочетании архаического уровня социальности (фольклор, этноосмысление, религиозные отличия) с осевыми (опосредование миропонимания великим священнослужителем и отношением себя к одному из культурно-цивилизационных миров), модерными и постмодерными потоками. Скользящие сочетания хаоса и порядка даруют всё новые комбинации состояний и диапазоны возможностей развития. В этой ситуации **задача статьи** – характеристика социокультурных факторов осуществления устойчивого экономического развития, обеспечения его адекватного возможностям эпохи качества.

**Изложение основного содержания исследования.** Лежащие в основании социально-экономического развития ценностно-смысловые комплексы – это регулярно воспроизводящиеся духовно-нравственные и мировоззренческие структуры, включающие в себя элементы как кросскультурные, так и специфические для каждого конкретного культурно-цивилизационного мира. Их содержание тесно связано с особенностями ценностных иерархий [2-8]. Для проведения эффективной социокультурной трансформации крайне важно, что ценностно-смысловыми комплексам принадлежит значительная роль в социокультурном унормировании экономических отношений. При этом они приобретают значение либо как сила побуждающая, стимулирующая, либо как демотиватор, социокультурное препятствие хозяйствованию. Легитимация намерений в действиях на основе ценностно-смысловых комплексов – символ осуществления намерений по отношению к событиям, а также способ публично доказать истинность своих мотивов. Также частым вариантом является желание придерживаться традиции общества и группы, закрепленной в институтах общества. Основная цель институтов заключается в регуляции деятель-

ности конкретного актора экономики. Собственно, институты являются комплексами институционализированных ролей, интеграция которых является задачей стратегической важности, тогда как в мире настоящего их место занимает различными социальными сетями. Структурообразующими элементами института и сетевой среды выступают правила, нормы и образцы поведения, которые определяют действия человека, группы и общества. По нашему мнению, именно воспринятые ценностно-смысловые комплексы не только во многом формируют внутренний мир человека, но и предопределяют его итоговое, совокупное отношение к обществу и миру: отрицание или созидание. Тем самым задается и массовое отношение к прогрессу/регрессу, а также формы выявления этого отношения (восприятие должностования от подвига до миграции, создание социокультурного основания демографических спадов и подъёмов и проч). Соответственно, опора на ценностно-смысловые комплексы – необходимость обеспечения продуктивного социального основания экономического взаимодействия, налаживания взаимовыгодного социального партнёрства.

Таким образом, ценностно-смысловые комплексы во многом определяют, какие именно общественные формы и регулятивные механизмы приживутся и станут эффективными в данной социокультурной среде экономики. Другими словами, ценностно-смысловые комплексы сами превращаются в направление преобразования культурных традиций в социально-экономические инновации, определяя вектор, интенсивность и границы возможного для проведения продуктивной экономической трансформации. Возможности развёртывания исторического процесса при этом включают процессы прогнозируемые и непрогнозируемые, стихийные и целенаправленные, уникальные и закономерные, неуправляемые, самоуправляемые и управляемые, циклично-волнообразные и необратимо-поступательные (как прогрессивные, так и регрессивные). И задачи реформирования не в том, как «ликвидировать отставание», а в том, как «сохранить и нарастить преимущества», сконцентрировать ресурсы и осуществить маневр ими в целях безопасности и развития своего культурно-цивилизационного мира.

Соответственно, ценностно-смысловые комплексы определяют не только расстояние, которое в состоянии преодолеть конкретный культурно-цивилизационный мир, не только скорость и ловушки движения на этом пути, но и сам путь, сами оси его прогресса. Опора на них – обязательное условие достижения устойчивого социально-экономического развития. В целом тип культуры и тип богатства – два выражения ценностно-стоимостного бытия общества. А всеобщность общественных отношений капитала обеспечивает распространённость капитализированной формы богатства, которое теперь и выступает, в том числе, как капитал реальный, социальный, etc. Причем если утилитарно-прагматические ценности производны от способа производства непосредственно либо через структуры потребностей, то абсолютные ценности, ценности-идеалы влияют на состояние и развитие экономики как первичные.

Ценностно-смысловые комплексы зияют на бинарных оппозициях (прекрасное – отвратительное, хорошо – плохо, истина – ложь, свои – чужие, удовольствие – страдание и т.п.), что фиксировалось многими исследователями ценностно-стоимостных явлений [9, с. 51–53]. Выделение самостоятельных первичных ценностно-смысловых комплексов от-

дельных культурно-цивилизационных миров было зафиксировано, в первую очередь, в «осевое» время с развитым формообразованием и воплощением в сакральных текстах особенностей своего мировосприятия, выделением фольклора, языка, этноосмысления, религиозных отличий, что дало возможности уже не на племенном, трайбалистском уровне, а на более общих основаниях разграничивать своих и не-своих. В этой ситуации в эволюции растет роль факторов неэкономических, прогресс осуществляется не столько стадильно (диахронно), сколько синхронно, привычные классовые антагонизмы часто подчиняются, дополняются и замещаются иными: социальными, этническими, религиозными. Процессуальность же существования и развития постсовременной реальности, безусловно, очень сложна, попытки насильственно ее унифицировать, втиснуть в прокрустово ложе норм и стандартов какой-либо одной цивилизации заведомо обречены на бесплодность. Зачастую идейная стойкость, наличие передового мировоззрения и прогрессивных убеждений, осознанность интересов акторов исторического процесса оказывается столь же значимым параметром общественных (в частности – экономических) трансформаций, как и обостренность чувств части социума, импульсивность и впечатлительность. При этом, разумеется, основные движущие силы далеко не всегда оказываются главными выгодополучателями, а система распределения благ асимметрична. Возможность и умение ощущения (и предвосхищения) логики происходящего, отзывчивость на назревшие общественные запросы и потребности позволяет состыковывать формы реализации фундаментальных и актуальных пластов социальной практики, опираться на объективные и субъективные предпосылки изменений, сочетать воздействие рациональных и иррациональных факторов [10–26]. Автоматы координации и самоуправления в неявном виде содержатся в самой социокультурной структуре, а вовсе не имплантированы в неё неким демидургом насильно. Управление вообще неотделимо от системы и никакая бригада менеджеров не является изолированным блоком управления. При взаимодействии в структуре культурно-цивилизационного мира тысяч индивидов происходит спонтанная самоорганизация, самонастройка и самосохранение порядков, традиций, ценностей и смыслов, осознать которые во всей полноте немислимо и сверхзадача которых – воспроизводство и восхождение целостности. Социокультурная целостность потому и выживает, что нельзя ни при каких обстоятельствах контролировать её полностью и централизовано. Это, впрочем, совсем не отрицает пользы от применения ресурсной базы и планирования, и управления, и централизации, наряду с самоуправлением и децентрализацией. Вместе с тем, ограничиваются возможности эффективного государственного вмешательства в частную жизнь населения, определяются грани оптимизации публично-приватного сотрудничества в реализации исторических процессов.

Сегодня уже очевидно: соответственно собственным ценностно-смысловым комплексам разные культурно-цивилизационные миры совершенно по-разному отражают в своем развитии черты эпохи. Сталкиваясь с вызовами исторического масштаба, каждый из них находит собственные варианты ответов. Вместе с тем, усиливаются возможности бережной адаптации некоторых принципов и моделей, создаваемых другими народами. Это деактуализирует подход, однозначно относящий международные отношения к вторичным, производным – и оставляет воз-

можность использования потенциала конвергенции. Полиструктура мирохозяйственных связей, основанная на взаимоприемливых нормативах, становится прообразом постмодерной действительности, а вовсе не насильственное культуртрегерство. При этом ни одна система ценностей не может рассматриваться как единственно возможная для человечества.

Вместе с тем, понимание культурного воздействия как чуть ли не направления насильственного навязывания прокрустова ложа одной культурной матрицы определенной цивилизации на конкретном этапе ее развития, переделывания всех под определенный стандарт совершенно не соответствует задачам стабильного развития и эффективной общественной консолидации. Скорее эти функции могут быть обеспечены широким распространением принципа превращенных форм как ввода межсистемного взаимоприемлемого эталона на основе взаимного уважения, толерантности, политкорректности и безрепрессивности в отношениях внутри и между культурно-цивилизационными мирами, их экономическими укладами.

Таким образом, взаимодействие культурно-цивилизационных миров (в том числе – на уровне международных экономических отношений) включает в себя многоуровневые процессы как полилога, так и конкуренции. Соответственно, соотношение ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров может формироваться под влиянием ценностных иерархий в зоны отталкивания/притяжения, более/менее интенсивного обмена и диффузии.

Безусловно, и осуществление внутренних реформ, и интеграция во внешние структуры заведомо не могут выступать целью преобразований. Они являются подчиненным моментом развития культурно-цивилизационного мира и положения человека. Каждое из этих взаимопереплетённых направлений прогресса отслеживается по динамике целого ряда вполне конкретных параметров, легко устанавливается посредством фиксации абсолютных и относительных показателей и характеристик. В частности, последнее, например, – демографических, социальных и экономических критериев (длительности человеческой жизни, количества и качества миграции, корзин прав человека и т.п.). По-прежнему существуют два мощных приоритета социально-экономического развития, определяющие показатели общественного прогресса. Во-первых, жизнь человека, её качество и длительность. Во-вторых, достижения цивилизации, культурное наследие. Первое направление фиксируется, прежде всего, корзинами социально-экономических, политических и духовно-идеологических прав человека, его уверенностью в завтрашнем дне, возможностями самореализации и т.п. Государство и правительство состоятельны в случае, если могут обеспечить безопасность, развитие и реализацию социально-экономических возможностей каждого. И уж совсем недопустимы случаи чуть ли не приватизации возможностей государств отдельными группами людей в своих целях.

Выбор сегодняшнего дня: обеспечение государством полноты реализации эгоистических, узкокорыстных интересов некоторых – или же решение гораздо более широких задач, опираясь, в том числе и на частную заинтересованность, и на индивидуальную творческую инициативу. С одной стороны, в процессах хозяйствования при нынешнем уровне общественного разделения труда уровень кооперации и взаимозависимости настолько высок, что превращает под натиском всесторонней социализации поня-

тие частной собственности в абстракцию, принцип. С другой, стимулы самореализации, чувство собственного достоинства, цели личностного совершенствования и достижений акцентируют задачи личностного совершенствования и индивидуального выбора. В любом случае, при всем разнообразии конкретных вариантов и форм сочетания общественного и личного, всеобщего и частного, очевидно, что направления реализации хозяйственной власти, связанные с разрушением культурного слоя цивилизации или же с наступлением на права и возможности творческой самореализации человека (тем более – его жизнь), не могут быть признаны эффективными. При этом переход к логике постмодерна, к логике свободы является и отказом от единственности любого базиса развития. Каждый должен быть готов к непрерывному процессу изменений, предусматривающему сосуществование, перекрещивание и сорезонирование самых разнообразных тенденций развития, среди которых (в отличие от модерна) уже ни одна не может претендовать на исключительное значение, которое позволяло бы без ущерба абстрагироваться от прочих. Когда нет стабильной внешней опоры в виде общности идеологии, единственности культуры, стереотипа науки, тогда необходимо признавать право на существование особенного, нестандартного.

Разумеется, социально-экономические реформы и интеграционные усилия могут быть разнонаправленными. При этом вспышки этноцентризма, трайбализма и сопряжённых с ними попыток добиться господства клановых интересов, перенесения тяжести трансформаций на наиболее экономически уязвимые слои населения – важнейшие признаки непрофессионализма и доминирования личного и группового эгоизма над коренными общественными интересами. Напротив, прочное социокультурное основание экономического развития предполагает сохранение и развитие в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий. Мультикультурализм и культурно-социальная интеграция различных этнических и культурных групп – это аспекты равноправного взаимодействия и взаимной терпимости, заключающиеся в защите существования разнообразных культур при их проникновении, обогащении и развитии на принципах, признаваемых в данном культурно-цивилизационном мире справедливыми.

В этой связи и содержание понятия «развития», «прогресса», «социогенеза» нуждается в обновлении: помимо стабильного и сбалансированного роста оно должно ориентироваться на такие этические ценности, как солидарность, свобода выбора и слова, терпимость, которые и обеспечивают социальное поле (уровень социальности, социальный капитал, социальную ткань и т.п.) доверия как пронизывающую хозяйственный механизм характеристику. Социальность экономического пространства, наполненного общественными и личностными интеракциями, складывается в большую/меньшую устойчивость, долговечность или же гибкость, мимолетность социальных связей как признаков фундаментальных и актуальных отношений между процессами внешними и внутренними. Формируемое доверие оказывается не только важнейшим параметром социального капитала общества, но и условием качественной экономической структуры, а также устойчивости системы хозяйствования.

Вместе с тем в эволюции заметно возрастает давление факторов неэкономических, недирективных, «тихих», а развитие струится не столько стадийно (диахронно), сколько синхронно; привычные антаго-

низмы дополняются и подавляются противоречиями социальными, этническими, религиозными. Критерий общественного прогресса, таким образом, по самой своей сущности должен быть конкретно-историческим, то есть сложным, комплексным и целостным, должен проникать во все важнейшие стороны социального развития и отражать изменение как качества жизни и возможности творческого раскрытия отдельной личности, так и нарастающие «цивилизационного слоя» [27–29]. Только тогда он позволяет устанавливать действительное место того или иного социального явления в истории, обнаруживать истинное соотношение динамических изменений в обществе. И только тогда он может рассматриваться в качестве универсального для данной полосы исторического времени. Соответственно, общественный регресс можно обозначить как нисходящую линию развития в социально-экономических процессах, выражающую понижение уровня организации, пятное движение или застой, разложение, полный распад данного общественного организма. Причины деградации могут лежать как в самом явлении, так и вне его (кризисные моменты в способе производства, системе политических отношений, общественной морали, абсолютизации каких-либо идеологических принципов или насильственное воздействие, поражение одного народа другим с менее развитой культурой). Отсюда критерий регресса можно видеть как в снижении уровня развития материального производства, социально-экономических отношений, качества жизни народа, устойчивом замедлении темпов роста, так и в ограничении развития духовной культуры (например, идеологическими табу), а следовательно, и самой человеческой личности. Так же, как при определении критерия прогресса, здесь решающее значение приобретает исторический подход, всесторонний анализ данного социального явления, его составляющих и условий его существования.

Одновременно, демонстрировавшие высокое качество и устойчивость экономического развития страны, как правило, основывались на широком объединении усилий различных слоев населения на задачах гражданского согласия и структурировании социальной активности. Предпосылкой для этого выступает слом административно-бюрократического панциря, преодоление милитаристского окостенения, глубокие демократические преобразования, позволяющие широким кругам народа участвовать в выработке общественно значимых решений, в осуществлении гражданами своих дарований при формировании государственной политики. Важным оказывается умение государства удерживать баланс решений между интересами экономически «сильных» и «слабых», лидеров и аутсайдеров, готовность предотвращать произвол и ошибки своих представителей и создавать среду, поддерживает позитивные инновации и предотвращает негативные. Это, собственно, и характеризует формирование собственной модели успеха как обновление общественного каркаса реализации базовых ценностно-смысловых комплексов нашего культурно-цивилизационного мира.

Так реализуется соотношение устойчивости и изменчивости, цивилизации и личности. Присвоение объектов прошлого труда становится и освоением культурного поля в целом, приращением всей социальной ткани. Этот процесс волнообразного (спиралевидного) развития социальности суть процесс циклов развития культурно-цивилизационных миров. При этом если в привычном варианте развёртывание ценностно-смысловых комплексов осуществлялось в мо-

дели заведомо целостной социокультурной системы, то формирующаяся мультикультурная несистемная социальная целостность – объект конгломератный, мозаичный. Первая конституировалась социально-личным началом, вторая – организуется индивидуально-психологическим уровнем. Первая допускала приоритет иерархичных организаций и неравенство разных частей и, вторая – предполагает нормативность равенства элементов и гармонии, отсутствие предварительно установленного масштаба и шаблона. Если социальная система завершает историю социально-личной эпохи, то несистемная социальная общность открывает эпоху индивидуально-психологического развития. Однако в настоящее время эти отличия не абсолютны; в период трансформации общества их черты налагаются и пересекаются. Социальная система становится особым типом системного объекта, образованным не атомами-ингредиентами, а социальными связями. Соответственно, именно мультикультурная основа ложится в основу новых моделей глобального управления, формируя отторжение попыток принуждения, культуртрегерства, навязывания. И сами социальные образования выступают особыми типами объектов, создаваемыми не атомами-ингредиентами, а связями, которые имеют вероятностный, стохастический характер.

В целом историческое соревнование выигрывали государства, опирались на традиции и находки, устойчивость и способность к поиску, широкое заимствование и культивирование специфических особенностей. Вместе с тем, безусловно, каждый этап социальной эволюции открывает (наряду с другими) и потенциально оптимальный сценарий, который часто отвергается при самой деятельном участии прогрессивных сил (жаждущих прищипорить исторический процесс). Избранный же в результате скачкообразный путь становится дорогой потерь и разочарований или в виде объективно неизмеримо худшей модели того же эволюционного развития, или в качестве самой революционной ломки всего оставляет за собой пожарища и раздор. Тогда как «тихоходные» народы спокойно проживают очередные этапы трансформации, уходя далеко вперед и сохраняя национальные ресурсы. Исходя из этих позиций заведомо предпочтительнее, чтобы механизмы будущего начинали работать еще до того, как будут полностью ликвидированы механизмы прошлого.

Время кардинально изменило ресурсную базу эволюционных и революционных измерений исторического процесса, проведения трансформаций и обеспечения общественной стабильности. При этом ассоциация с Евросоюзом очевидным образом является существенным шагом в изменении на макро- и макроуровнях конфигурации возможностей и угроз социально-экономическому развитию страны. Рост диапазона преимуществ, как для сферы экономики, так и для социально-политической среды напрямую связан с распространением лучших мировых моделей корпоративной культуры и социального партнерства. Причём преодоление кризисно-рецессивных явлений и переход к особенностям управленческо-организационных решений уровня экономики знаний и инновационно-синергетического структурирования производственных циклов базируются на общей предпосылке: эффективное обеспечение хозяйственной устойчивости предусматривает сегодня тщательный учет новых глобальных тенденций, мирового опыта и отечественных традиций и своих ценностно-смысловых комплексов.

Стремление к наращиванию глубины интеграционных динамик и повышению степени открытости

социально-экономического организма страны существенно меняет соотношение рисков и возможностей, преимуществ и недостатков. Для того, чтобы определяющим трендом хозяйственного развития стал подъём качества жизни и уровня благосостояния народа, необходим как учет ведущих глобальных тенденций трансформаций, так и практическая ориентация на их содержание в развертывании своих преимуществ. В любом случае, инверсионные явления неклассической трансформации позволяют более полно использовать имеющиеся превращённые (преобразованные) социально-экономические формы в процессе социального управления, когда наличие большего количества управляемых процессов приводит к необходимости их иерархической организации, т.е. к созданию иерархических структур. В основу структуризации должны быть положены принципы разделения труда и обеспечения жизнедеятельности. А структура управляемого объекта в каждой системе экономики в зависимости от принципа определения приводит структуру управления им. При этом эффективность функционирования таких систем зависит от сбалансированности всех звеньев и их своевременности и ритмичности взаимодействия. Только во время высокого Модерна индивидуальные жизненные пути разных людей сливались в общей судьбе народа; каждый чувствовал себя частью страны, воспринимая в качестве личных государственных задачи. При усилении же мировых трансформаций постсовременного характера ценность своеобразных подходов, интерпретаций и мотивов каждого растет. Поэтому крайне важно, что ставится во главу угла при осуществлении ведущих исторических Выборов: обеспечение условий реализации частного эгоистического интереса – или решения (в том числе, и с его использованием) гораздо более широких социально-экономических задач.

Одновременно, объективные основания требования интеллектуализации экономики как фактора ее осовременивания сопряжены с необходимостью проведения кардинальных изменений в мотивировании более требовательных к комплексу условий жизнедеятельности (пост)современных работников. Что, в свою очередь, актуализирует, с одной стороны, развитие социокультурных оснований систем участия, социального партнерства, производственной демократии и т.п., с другой же, – реализацию более жесткого ограничения вмешательств крупного бизнеса в социально-экономическую жизнь, конвертации хозяйственной власти в политическую.

**Выводы.** Существуют два мощных приоритета общественного развития и основания для показателей прогресса. Во-первых, жизнь человека, её качество и продолжительность. Во-вторых, достижение цивилизации, культурное наследие. Что касается первого, то это направление фиксируется, прежде всего, корзиной социально-экономических, политических и др. прав человека, его уверенностью в завтрашнем дне, возможностями самореализации и тому подобное. Вместе с тем, духовные и материальные ценности цивилизации – основное содержание культуры. Их развитие – показатель состояния культурно-цивилизационного мира; а место человека (прежде всего, качество и продолжительность жизни, права и возможности творческой реализации), с одной стороны, сохранение и наращивание признаков цивилизованности – основные критерии прогресса. При этом в процессе социогенеза происходит не только трансформация роли элементов и целостности ценностно-смысловых комплексов, но и их обогащение.

Так, безотлагательное требование развёртывания начал свободы и плюральности, свойственное постмодерну, входит в число приобретений человечества в его развитии. Вместе с тем, из каждого вида модели (традиционной, модерной, постмодерной) развития конкретный культурно-цивилизационный мир может получить свою конкретику соответственно как глубинным пластам своих ценностно-смысловых комплексов, так и осуществляемой динамике своей трансформации. Обеспечение растущего поля доминирования гуманизма, толерантности, политкорректности, права человека на собственное мнение, свобода слова и т.п. выступает насущной задачей стабильного экономического развития.

Государство, правительствование действительны, если могут обеспечить неуклонный рост благополучия и комфорта каждого, предоставить все средства для развития личности. И уж совсем недопустимы произвол и насилие групп / кланов желающих использовать общественное богатство в узкокорисных целях, попытки вовсе не альтруистами принятия на себя прав государственных структур (в частности, судебной ветви власти), игнорирование демократических (в частности, нормативно-процессуальных) процедур. Таким образом, осуществление каких-либо реформ и/или интеграции выводит на передний план вопросы: для чего, в чьих интересах, за чей счет, кем реализуются изменения, как они соотносятся с основными критериями социально-экономического прогресса. Без осознания ответов на них может опять возникнуть ситуация аналога длительного периода сравнений последующих лет с 1913 как эталоном благополучия. Напичканная же узкокорпоративными трактовками (или прикрывающаяся ими) часть «элиты», жестко преследуя свои узкокорпоративные цели (как, например, сохранение монопольного положения, доходного места, привилегированного бизнеса и проч.), может стремиться подменить ими общий интерес безопасности и развития. В этом контексте вспышки этноцентризма, трайбализма и сопряженные с ними попытки добиться господства клановых интересов, перенесения тяжести трансформаций на наиболее экономически уязвимые слои населения – важнейшие признаки непрофессионализма и доминирования личного и группового эгоизма над коренными общественными интересами.

Для успешного проведения своей очередной модернизации и эффективного использования социального творчества как ее важнейшего фактора, регион должен культивировать механизмы не «обязывать», а увлекать, заинтересовывать. Соответственно, для организации форм информационной активности необходимо определиться с ее направленностью, каналами, объектами и субъектами. В этой ситуации для успеха избирательных кампаний каждый раз требуется новый проект; люди, готовые к участию в нем; соответствующая организационная структура. Прочное социокультурное основание экономического развития предполагает сохранение и развитие в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий. Мультикультурализм и культурно-социальная интеграция различных этнических и культурных групп – это аспекты равноправного взаимодействия и взаимной терпимости, заключающиеся в защите существования разнообразных культур при их проникновении, обогащении и развитии на принципах, признаваемых в данном культурно-цивилизационном мире справедливыми. Преодоление привилегий и достижение социального равноправия требует безусловного отказа от реакционных руди-

ментов замшелого обскурантизма и клерикального фундаментализма.

Дальнейшее развертывание этого направление предполагает как углубление компаративных исследований в сфере соотношения факторов социогенеза, так и их особенностей воздействия на его течение.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Грановский Т.Н. О переходных эпохах в истории человечества / Т.Н. Грановский // Лекции по истории Средневековья. – М. : Наука, 1986. – 428 с.
2. Шедяков В.Е. Ценности как феномен общественного сознания / В.Е. Шедяков // Теоретические проблемы развитого социализма: Тез. Всесоюз. конф. Секция 4. – М., 1984. – С. 27–30.
3. Шедяков В.Е. Життєві цінності населення в контексті перспектив модернізації країни / В.Е. Шедяков // Соціальна психологія. – 2012. – № 1-2. – С. 11–20.
4. Шедяков В.Е. Ціннісно-сміслові комплекси: з минулого в майбутнє, від культури традиційної до постмодерної / В.Е. Шедяков // Економіст. – 2014. – № 8 (334). – С. 4–5.
5. Шедяков В.Е. Актуалізація ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационного мира как условие успешного участия в стратегической конкуренции / В.Е. Шедяков // Государство и общество в современной политике: Сборник статей. Выпуск 1. – Воронеж : Научная книга, 2013. – С. 158–168.
6. Шедяков В.Е. Ціннісно-сміслові комплекси як фактор антропосоціогенезу / В.Е. Шедяков // Гілея. – 2014. – Вип. 89 (№ 10). – С. 214–224.
7. Шедяков В.Е. Ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационного мира в контексте стратегии подготовки и реализации ответов на вызовы времени / В.Е. Шедяков // ВУЗ. XXI век. – Ч. 1. – 2014. – № 2 (45). – С. 81–89; Ч. 2. – 2014. – № 3 (46). – С. 153–165.
8. Шедяков В.Е. Борьба смислів і протистояння стратегій: регіонально-цивілізаційний вимір / В.Е. Шедяков // Політичний менеджмент. – 2012. – № 3. – С. 31–42.
9. Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов / О.Г. Дробницкий. – М. : Политиздат, 1967. – 351 с.
10. Новый формат стратегії і тактики соціально-економічного розвитку України: людина, громада, держава / Бондар І.К., Чечетов М.В., Жадан І.О., Дідур С.В. та ін. – К. : Корпорація, 2005. – 383 с.
11. Шедяков В.Е. Продуктивне соціокультурне поле економічного розвитку / В.Е. Шедяков [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://ua-ekonomist.com/6613-produktivne-socokulturne-pole-ekonomichnogo-rozvitku.html>.
12. Грінберг Р. Інституційні уроки ринкових трансформацій / Р. Грінберг // Економіка України. – 2011. – № 1. – С. 27–37.
13. Фонд стратегической культуры [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.fondsk.ru>.
14. Стратегические коммуникации. Манипуляция сознанием [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ukr.co.at.htm>.
15. Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / Дж. Малган. – М. : Ин-т Гайдара, 2011. – 472 с.
16. Томпсон А.А. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии / А.А. Томпсон, А.Дж. Стрикленд. – М. : Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998. – 576 с.
17. Шедяков В.Е. Соціальна творчість та інноваційність стратегічного управління / В.Е. Шедяков // Політичний менеджмент. – 2013. – №1-2 (57-58). – С. 42–51.
18. Шедяков В.Е. Управління суспільними процесами: методологічні можливості й обмеження / В.Е. Шедяков // Соціальна психологія. – 2013. – № 55. – С. 157–166.
19. Бурева В. Социально-адекватный менеджмент / В. Бурева. – К. : Академия, 2001. – 272 с.
20. Авилов А.В. Рефлексивное управление. Методологические основания / А.В. Авилов. – М. : ГУУ, 2003. – 174 с.
21. Бирштейн Б.И. Стратегемы рефлексивного управления в западной и восточной культурах / Б.И. Бирштейн, В.И. Боршкевич // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 2. – № 1. – С. 27–44.
22. Марача В.Г. Управление общественными изменениями: синтез рефлексивного и институционального подходов / В.Г. Марача // Рефлексивные процессы и управление. – 2008. – Т. 8. – № 2. – С. 44–65.

23. Шедяков В.Є. Розвиток виробничої демократії і взаємозв'язок рівнів регулятивних можливостей, або Сила єдності – в різноманітті / В.Є. Шедяков // Економіст. – 2014. – № 9 (335). – С. 9–16.
24. Шедяков В.Є. Стратегія постсучасного взаємодіяння: методологія і ресурсна база дальнішого совершенствования / В.Є. Шедяков // Нова парадигма. – 2014. – Вип. 119. – С. 34–52.
25. Шедяков В.Є. Стимулювання в системі управління працею на тлі формування в глобальному масштабі економіки знань / В.Є. Шедяков // Економіка ХХІ сторіччя: проблеми та шляхи їх вирішення / А.О. Азарова, І.Є. Алфьорова, ... В.Є. Шедяков та ін. За заг. ред. Г.О. Дорошенко, М.С. Пашкевич; М-во освіти і науки України; Харк. ін-т фінансів; Нац. гірн. ун-т. – Д. : НГУ, 2014. – С. 379–388.
26. Шедяков В.Е. Место социальной ответственности в обеспечении продуктивной основы реализации общественных интересов / В.Е. Шедяков // Соціальна відповідальність влади, бізнесу і громадян : у 2-х т. / Г.Г. Півняк, А.І. Амоша, ... В.Є. Шедяков та ін. За заг. ред. Г.Г. Півняка ; М-во освіти і науки України; Нац. гірн. ун-т. – Д. : НГУ, 2014. – Т. 1. – С. 282–290.
27. Шедяков В. Є. Співвідношення чинників соціогенезу / В.Є. Шедяков // Гілея. – 2014. – Вип. 88 (№9). – С. 116–124.
28. Бех В.П. Генезис соціального організму країни / В.П. Бех. – 2-е вид., доп. – Запоріжжя : Просвіта, 2000. – 288 с.
29. Траут Дж. Дифференційуйся или умирай! Выживание в эпоху убийственной конкуренции/ Джек Траут, Стив Ривкин. – 2-е изд., обновл. и доп. – СПб. : Питер, 2010. – 304 с.

УДК 330.322.01

**Якимчук Т.В.**  
асистент кафедри менеджменту  
Національного університету харчових технологій

## СПІВВІДНОШЕННЯ ПОНЯТЬ: ІНВЕСТИЦІЙНА СТРАТЕГІЯ ТА ІНВЕСТИЦІЙНА ПОЛІТИКА

У статті викладені результати аналізу сутності категорій «стратегія» та «політика», що був проведений для досягнення основної мети дослідження. Розглянуто сутність інвестицій та інвестиційної діяльності. Представлені авторські визначення понять «інвестиційна стратегія», «інвестиційна політика» та в ході аналізу обґрунтовано їх співвідношення в процесі управління інвестиційною діяльністю підприємства.

**Ключові слова:** інвестиційна стратегія, інвестиційна політика, стратегія, політика, інвестиції, інвестиційна діяльність.

### Якимчук Т.В. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ: ИНВЕСТИЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

В статье изложены результаты анализа сути категорий «стратегия» и «политика», который был проведен для достижения основной цели исследования. Рассмотрена суть инвестиций и инвестиционной деятельности. Представлены авторские определения понятий «инвестиционная стратегия», «инвестиционная политика» и при проведении анализа было обосновано их соотношение в процессе управления инвестиционной деятельностью предприятия.

**Ключевые слова:** инвестиционная стратегия, инвестиционная политика, стратегия, политика, инвестиции, инвестиционная деятельность.

### Yakymchuk T.V. INVESTMENT STRATEGY AND INVESTMENT POLICY

The article presents the results of the analysis essence of the categories “strategy” and “policy”, which were conducted in order to achieve the main objectives of the study. The essence of investments and investment activity were considered. The author's definitions of “investment strategy”, “investment policy” were presented and during the analysis their roles was justified in the investment management of company.

**Keywords:** investment strategy, investment policy, strategy, policy, investment, investment activity.

**Постановка проблеми.** Попри практичну значущість процесу інвестування в нинішніх умовах функціонування вітчизняних підприємств, існують невирішені питання в теорії інвестицій, які потребують додаткових досліджень. Інтерес до них з боку вчених та дослідників викликаний необхідністю розв'язання існуючих труднощів, пов'язаних з управлінням інвестиціями, що в свою чергу вимагає глибокого знання не лише практики інвестиційної діяльності, а й теорії.

Теоретичним проблемам інвестиційного менеджменту присвячені численні роботи як вітчизняних, так і зарубіжних дослідників, перелік яких недоцільний в межах даної статті. В цих роботах використовуються терміни, знайомі і в певному сенсі зрозумілі майже кожній людині, – інвестиції, інвестиційна діяльність, інвестування, інвестиційна політика тощо. Та незважаючи на широку вживаність цих понять, в сучасній науковій літературі деякі з них тлумачаться неоднозначно і потребують уточнень. Серед них і такі поняття як «інвестиційна політика» та «інвестиційна стратегія», відсутність єдиного визначення яких і обумовлює актуальність даної статті.

**Аналіз останніх досліджень і публікацій.** Визначення сутності інвестиційної стратегії було представлено у роботах таких сучасних науковців як Савчук О.В., Федоренко В.Г., Бланк І.О., Хрущ Н.А., Череп О.Г., Борщ Л.М. та ін. Крім того, майже у кожному економічному словнику також можна зустріти визначення інвестиційної стратегії.

У досліджених нами сучасних наукових літературних джерелах найчастіше вчені тлумачать дану стратегію як систему довгострокових цілей інвестиційної діяльності підприємства та вибір найефективніших шляхів досягнення цих цілей [17]. Розкриття сутності інвестиційної стратегії іншими науковцями, роботи яких ми розглянули, пов'язано з тим як вони тлумачать стратегію. Але всі автори у своїх роботах одноставні у тому, що інвестиційна стратегія є певним видом стратегії, в основі якої – інвестиції і яка передбачає досягнення цілей інвестиційної діяльності суб'єктів господарювання.

Досить часто у наведених науковцями визначеннях цілі інвестиційної стратегії та інвестиційної політики тотожні і відповідають цілям реаліза-